
Марина Ветрова ✦ Екатерина Свет
Измена мужа.
Ты застраховал мою смерть
на 12 миллионов, но шейх спас меня!

Екатерина Свет

Измена мужа. Ты застраховал мою смерть на 12 миллионов, но шейх спас меня!

«Автор»
2026

Свет Е.

Измена мужа. Ты застраховал мою смерть на 12 миллионов, но шейх спас меня! / Е. Свет — «Автор», 2026

Мой муж застраховал мою жизнь на двенадцать миллионов долларов. Без моего согласия. С поддельной подписью.А потом меня лишили любимой работы, отправили в Дубай и украли паспорт. Я думала, что Анатолий просто изменяет мне. Но правда оказалась страшнее: он готов был пожертвовать моей жизнью ради денег.Я лётчица. Привыкла бороться до последнего, даже когда самолёт падает.И теперь мне придётся спасти саму себя.Но почему влиятельный шейх Халид аль-Рашиди, способный одним словом уничтожить моего мужа, решил вмешаться?Он предлагает защиту, возвращает мне небо и смотрит так, будто я значу для него больше, чем весь его огромный мир.Но могу ли я снова довериться мужчине?

© Свет Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Подпись, которой не было 5
Глава 2. Лётная книжка с чужой печатью 7
Глава 3. Паспорт из сейфа 9
Глава 4. Гость, который не просит 11
Глава 5. Покрытие 13
Глава 6. Решает за меня 14
Глава 7. Первые счета 16
Глава 8. Арест Рустама 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Марина Ветрова, Екатерина Свет
Измена мужа. Ты застраховал мою смерть на 12 миллионов, но шейх спас меня!

Глава 1. Подпись, которой не было

Я нашла полис в четверг, между справкой о прививках и просроченной гарантией на посудомоечную машину. Папка лежала в Толином кабинете — не запертая, просто прикрытая, будто он торопился и решил, что я никогда не захочу посмотреть на его деловые бумаги. Он ошибся. Я лётчик: я проверяю всё, что не закреплено.

Бумага была плотная, приятная на ощупь, с гербом страховой компании. Полис личного страхования жизни. Застрахованное лицо: Гусева Ольга Андреевна. Страхователь: Вершинин Анатолий Михайлович. Выгодоприобретатель: Вершинин Анатолий Михайлович.

Мой муж. Страховая сумма — я перечитала три раза, водя пальцем по цифрам, будто проверяла высоту эшелона перед посадкой. Двенадцать миллионов. Двенадцать миллионов долларов. Кто-то в Толиной голове оценил мою жизнь именно так — и, судя по дате полиса, полгода назад.

Я перевернула лист. Внизу стояла моя подпись. Ровная, уверенная, «Гусева» с длинным росчерком — только это была не моя подпись. Я так не пишу. У меня буква «Г» с сильным наклоном влево, с детства, с прописей в первой тетрадке. Здесь «Г» стояла прямо, аккуратно, как у человека, который тренировался на десяти листах, прежде чем выйти на этот.

Я сидела на его кожаном кресле, и внутри меня было очень тихо. Так бывает на высоте, когда загорается табло неисправности: сначала не страх — сначала тишина, потому что мозг занят. Он перебирает приборы. Возможно, это страховка на ипотеку. Возможно, обязательная. Возможно, я чего-то не понимаю.

Я сфотографировала каждую страницу. Положила папку на место, под тем же углом к краю стола. Встала. Ноги держали ровно.

Вечером Толя приехал с мороженым — я не ела мороженое лет пять, но он купил пломбир в стаканчике, и это была та самая деталь, по которой я поняла: он что-то знает, чего не знаю я. Так люди приносят цветы после ссоры, в которой они ещё не признались.

— Долгая была дорога, — сказал он с порога, целуя меня в макушку. Запах духов, дорогого, новых, чужих. Раньше у него пахли от батона и кофе.

— Ты сказал бы, — ответила я.

Он рассмеялся и потопал в кабинет «закрыть месяц». Я мыла посуду и слушала, как вода шумит в раковине, а из-за двери глухо звучит его голос — он говорил по телефону. Сначала неразборчиво. Потом отчётливо, на пару секунд, когда он вышел в коридор за сигаретами, которые не курит третий год:

— ...это не вопрос «если». Это вопрос «когда». И когда — уже скоро, слышишь?

Он увидел меня в конце коридора — я не пряталась, я стояла с тряпкой в руке, мокрое полотенце, весь вечер стирала пыль с полок, потому что не знала, чем занять руки, чтобы они не дрожали.

— Оленька, — сказал он мягко. — Про рейсы говорю. Фрахт. Деловой разговор, что ты стоишь в темноте?

— Мороженое растаяло, — сказала я.

Он подошёл, обнял меня за плечи, и я почувствовала, как он крепкий, как у него тяжело лежат руки — на мне, как груз. Как что-то, что уже подписано и оплачено.

— Ты у меня лучшая, — сказал он мне в волосы.

Я не ответила. Я смотрела поверх его плеча на полку, где стояла фотография с нашей свадьбы в рамке, и считала: шесть лет, девять месяцев, и вот сегодня в коридоре собственного дома я услышала свой приговор, но без даты. Пока без даты.

Глава 2. Лётная книжка с чужой печатью

Уведомление о расторжении контракта я получила в понедельник. «По состоянию здоровья». Печать, подпись начальника лётного отдела, формулировка: «по заключению врачебной комиссии».

Я не проходила комиссию. Последний раз я была у медиков в марте, получила допуск на год. На дворе был сентябрь.

— Гусева, — секретарь положила передо мной папку, не глядя мне в глаза. — Лётную книжку вам уже отдали на проходной.

Я поднялась к кадрам. Девочка за столом порылась в ящике, вытащила мою книжку — бордовый переплёт, потёртый, прожитый, — и протянула мне на расписку.

Запись была вписана. Аккуратно, с оттиском печати, которой я не знала: «Допущено к лётной работе прекращено по заключению ВЛГК от 12 августа». Двенадцатого августа я была в Красноярске, сажала борт с отказавшим генератором. Меня после той посадки благодарил командир экипажа. А по бумагам, оказывается, меня в тот же день списали с лётной работы.

— Кто вносил запись? — спросила я. Голос у меня был ровный. Я удивилась, какой он ровный.

— Не могу вам сказать, — сказала девочка и спрятала руки под стол.

Я вышла на парковку, села в машину и не завела двигатель. Просто сидела. На пассажирском сиденье лежала лётная книжка — вся моя жизнь, восемь лет, двенадцать типов заходов, сотни часов — и в ней чужой рукой, с чужой печатью меня стёрли. Не уволили. Стёрли. Как деталь, которая больше не нужна в сборке.

Толя позвонил в четыре, как по расписанию.

— Котёнок, я сегодня приеду пораньше. Хочу тебе кое-что показать.

Он показал мне открытку-фото: отель на первой линии в Дубае, залив цвета расплавленного драгоценного камня, пальмы похожи на растопыренные руки.

— Контракт с лётной школой холдинга, — сказал он. — Инструктором. Преподавать — это тебе даже лучше, чем гонять пассажиров, да? Солнце, море, полгода-год пролетишь — и тебе там же оформят медкомиссию заново, у них мягче требования. Я всё устрою. Мне нужно только, чтобы ты улетела побыстрее, там уже ждут.

Он говорил гладко и тепло, и всё в нём было правильно, как в идеальной презентации. И я смотрела на него и понимала, чего именно он ждёт на самом деле. Он хочет, чтобы я была подальше. Чтобы я была в чужой стране, без своих врачей, без своего профсоюза, без подруг из дочерского отряда — в стране, где у меня не будет никого, кроме него.

Полис на двенадцать миллионов. Увольнение с чужой печатью. «Не если, а когда».

— Когда вылет? — спросила я.

— Ура! — он просиял и дотянулся через стол, чтобы поцеловать меня. — Ты у меня умница. Через десять дней, я билеты возьму.

— Да, — сказала я. — Через десять дней.

У него были глаза человека, у которого всё сошлось в чертеже. А я улыбалась ему, и внутри у меня собирался тихий, спокойный, ледяной груз: чемодан — и папка с копиями. Копию полиса я отвезла нотариусу на следующий день и заверила. Лётную книжку положила в банковскую ячейку вместе с ксерокопией страницы с фальшивой записью. И ещё я записала телефон адвоката, который двадцать лет вёл дела моей матери, — он умер два года назад, но его сын принял контору. Люди, которые помнят мою семью, — это актив, которым я ещё владею.

На девятый день Толя подвёз меня в аэропорт и на прощание прижал меня к себе так, что я почувствовала его сердце — частое, как перед экзаменом. Странно для человека, который просто провожает жену поработать.

— Обнимемся потом, — сказал он в макушку. — Сиди тихо, слушайся, не высовывайся.
— Это мне-то? — усмехнулась я. — Я командир корабля, Толь.
— Уже нет, — сказал он мягко, и это прозвучало не как утешение.
Он оказался прав. Только не в том смысле, в котором думал.

Глава 3. Паспорт из сейфа

Отель холдинга «Рашиди» стоял на первой линии, и из окна моего номера залив лежал зелёно-золотой ложей, будто кто-то расстелил его специально к моему приезду. Мне полагался номер выше среднего — я была не туристкой, я была инструктором по контракту, и на ресепшене меня узнали, кивнули, проводили. Контракт прислали сюда заранее, всё было оформлено: приглашение, служебное письмо школы.

Всё, кроме одного.

В третий вечер я открыла сейф — паспорт мне был нужен на завтра, в школу требовали копию для оформления пропуска на лётное поле. Сейф был открыт. Паспорта не было.

Я не паниковала. Я повторила себе это по дороге вниз, в лобби, стараясь дышать как в кабине: сначала приборы, потом эмоции. Сейф закрыт исправно. Код знаю только я. Значит, у кого-то был мастер-код. Значит, из персонала. Значит, система отеля может выдать список доступа за три дня — но у меня нет статуса, по которому отель обязан мне его выдать.

— Мадам, прошу вас, я разберусь, — менеджер был вежлив до слез и так же беспомощен. — Мы проведём проверку. Оставьте контакты.

— Оставить контакты? — я положила на стойку обе ладони и наклонилась к нему. — Вы понимаете, что без паспорта я не могу ни улететь, ни заселиться, ни встать на консульский учёт? Я не «оставлю контакты». Я останусь здесь. В вашей стране. Без документов.

— Проверка займёт время... — Он смотрел на меня и виновато мигал. — Может быть... неделя. Две.

Неделя. Две. И я вдруг вспомнила Толю, его тёплый голос в трубку: «сиди тихо, слушайся». Тихо — это как раз то, что мне предлагала обстановка.

Я вышла на террасу отеля, там пахло горячим камнем и водой, и села на скамейку спиной к заливу, лицом к выходу. Не потому что чего-то ждала. Просто лётчик привычно смотрит на полосу.

Он подошёл через десять минут. Высокий, хорошо одетый, лет сорока, с мягкой походкой человека, у которого руки умеют больше, чем костюм показывает. Он сел рядом — не спросив, на том самом краю скамейки, куда садятся, когда хотят казаться случайными.

— Госпожа Гусева, — сказал он по-русски, почти без акцента. — Мне очень неловко, что так вышло с вашим документом. Позвольте представиться: я представляю интересы господина Касымова. Рустам Юрьевич просил передать, что ваши проблемы решаемы. Быстро. Сегодня же.

Я повернулась к нему. Медленно, всем корпусом, как поворачиваешься к отказавшему двигателю — чтобы оценить масштаб.

— Ваш господин знает мою фамилию. Знает, что у меня нет паспорта. И предлагает помощь. — Я улыбнулась. — Не многовато совпадений для одного вечера?

— Мир щедр на совпадения, — он развёл руками. Пальцы у него были широкие, ухоженные, с тяжёлым перстнем. Руки не клерка. — Ваш муж — наш уважаемый партнёр. Он очень беспокоится о вас. Телефон вас не слушает, отель не помогает... Мы можем вернуть вам паспорт уже сегодня. Нужно только ваше маленькое одолжение. Пара подписей в документах, которые касаются школы. Чистая формальность для человека вашего уровня.

Вот и она, кнопка. Паспорт в обмен на подписи. Меня держали в стране, чтобы я подписала — что-то, и подпись мою потом использовали — где-то. Я смотрела на его спокойное лицо и чувствовала, как под рёбрами, под всей этой мягкостью вечера, встаёт на боевой взвод очень старая моя способность: считать.

— А если я откажусь? — спросила я.

— Тогда, боюсь, проверка в отеле займёт две недели. Или три. Страна гостеприимная, но бюрократия везде одинаковая.

Я молчала секунды четыре. Потом встала, поправила рубашку и сказала то, что он точно не ждал:

— Передайте господину Касымову, что я подписываю только те документы, которые читаю. А те, что я читала сегодня, я подписывать не буду. Никогда.

— Вы не читали... — начал он.

— Не читала полис, — сказала я тихо, глядя ему в глаза. — И всё равно не подпишу.

Он помолчал. Потом встал, кивнул — без единой эмоции, отработанно, — и ушёл к стоянке, где его ждал белый автомобиль с тонированными стёклами.

Я осталась на террасе. Небо темнело, залив гас, и где-то внизу живота, на уровне самых старых инстинктов, крутился один вопрос, холодный и единственный, как строп на запасном парашюте.

Если паспорт у людей Касымова — то кто в этом городе поможет тому, кого сознательно держат?

Глава 4. Гость, который не просит

Мне нужен был не паспорт. Мне нужен был человек, у которого паспортов, денег и слова столько, что у людей Касымова этих вещей становится меньше. В стране, где я не могу двигаться, двигаться мог только владелец страны — точнее, её крупного куска.

Холдинг «Рашиди» держал эту лётную школу. Контракт со мной был подписан от его имени. Я собрала в папку: контракт, приглашение, письмо школы, копию акта об исчезновении паспорта — отель отказался выдавать мне официальную бумагу, я написала свой акт и попросила менеджера расписаться, тот испугался и расписался. Мелочь, а подтверждение: двадцать четвёртого числа в двадцать десять сейф был вскрыт.

Утром я пришла в офис управления холдинга и потребовала встречи с главой.

— Госпожа, шейх Халид не принимает без записи, — секретарь была непреклонна. — Запись на приём — через три недели.

— Через три недели я либо уеду, либо подписано что-то, что подписывать нельзя, — сказала я. — А ещё через неделю школы холдинга будет использовать человек по фамилии Касымов. Хотите — передайте ему дословно.

Я отдала папку. Я не знала, дойдёт ли она. Я вышла на набережную напротив башни и прождала до вечера, и когда я уже решила, что буду сидеть там и завтра, и послезавтра — к выходу управления подъехала серая машина, и водитель открыл заднюю дверь.

— Госпожа Гусева. Прошу вас.

Кабинет был на верхнем этаже, и за его стеной залив лежал весь, до горизонта, — я на секунду перестала слышать, что мне говорят, потому что пилота всегда цепляет высота. Потом я услышала.

— Садитесь, — сказал он.

Шейх Халид аль-Рашиди был моложе, чем я ожидала, — лет тридцати пяти, в тёмном костюме без единой складки, и двигался он так, будто время вокруг него ходило медленнее. Он смотрел на меня не оценивающе — взвешивающе. Как смотрят на груз, который надо распределить по центровке.

— Вы требовали аудиенции, — сказал он по-русски. — В моей стране это не принято. Здесь просят.

— В моей профессии не принято просить, когда речь идёт о безопасности, — ответила я. — Ваша школа, ваш контракт, ваш отель. И в вашем отеле у меня из закрытого сейфа, с мастер-кодом, забрали паспорт. Мне нужен он и мне нужна бумага: что холдинг знает о происшествии. Дальше я сама.

Он не ответил сразу. Перекладывал листы моей папки — не спеша, и листы его слушались лучше, чем слушались бы люди.

— Кто забрал паспорт, вы знаете, — сказал он наконец, не поднимая глаз. — Это не персонал отеля.

— Откуда вы...

— Касымов, — сказал он. — Его человек въезжал в отель с охранником, который значится в службе обеспечения, дважды за время вашего пребывания. Второй раз — вчера, в двадцать два с четвертью. Камера шестого этажа записала, как охранник открывает сейф ключом и кодом.

Я стояла и молчала. Не потому что нечего было сказать — потому что язык на секунду отказался работать. Он знал всё. Он знал то, чего знать не мог: я не называла фамилии, я не жаловалась никому, кроме менеджера отеля, менеджер — не в курсе, кто такой Касымов.

— Вы всё это знали, — сказала я медленно. — И могли вернуть мне паспорт вчера. Или позавчера. Но вы ждали, пока я приду. Зачем?

Он поднял глаза. И вот тут я впервые увидела его по-настоящему: не вежливое лицо хозяина, а что-то холодное и внимательное, как ясная ночь над пустыней, — красиво и совсем не уютно.

— Затем, что мне было нужно понять, — сказал он, — что вы за человек. Вы могли уехать с его людьми вчера. Подписать то, что они принесли. Большинство подписывает. Вы не подписали. — Он закрыл папку. — Паспорт будет у вас. Вопрос — когда. «Уже занимаюсь», как говорят ваши. А пока вы будете гостем холдинга.

— Пока? — переспросила я. — И сколько длится «пока»?

— Пока я не решу, — сказал он спокойно, и по его голосу было ясно: это не было угрозой. Это было просто устройство мира, в котором он жил. — Вы свободны, госпожа Гусева. В моих стенах.

Я вышла на лифте вниз, и когда двери закрылись, я обнаружила, что сжала кулаки так, что в ладонях остались следы от собственных ногтей. Я получила то, за чем шла. Так почему у меня внутри было не легче, а холоднее?

Потому что он знал, кто забрал паспорт, — и не сказал мне этого, пока я не пришла. Он не спас меня. Он проверил меня.

Глава 5. Покрытие

«Гость холдинга под личной защитой» — так это называлось в бумаге, которую мне на следующее утро вручил управляющий отеля, вместе с новым ключом-картой: номер перевели на девятнадцатый этаж. Охрана — двое молчаливых молодых людей в гражданском, один дежурил на этаже, второй провожал меня от машины до двери — это называлось «сопровождение».

— А когда я смогу выйти за территорию? — спросила я управляющего.

— Никаких ограничений нет, — ответил он с безупречной улыбкой. — Мы просто рекомендуем... ввиду обстоятельств... оставаться в отеле. Все потребности: бассейн, рестораны, спа...

— А если мои потребности — уехать в лётное училище и работать по контракту?

— Об этом позаботится управление, — сказал он так, будто сказал «потолок стоп», и разговор был окончен.

Я вернулась в номер и распахнула балконную дверь. За стёклами был залив — красивый до злости. Я обменяла одну клетку на другую, только в этой клетке был вид на воду и другие обои. Толя позвонил вечером — я услышала его голос и физически ощутила, как по спине идёт холод: я ещё не знала, слушают ли они эту линию, и поэтому говорила ровно, без запинки, как объявляют пассажирам о приближении зоны сильной болтанки.

— Котёнок, ну как там? Солнце?

— Солнце, — сказала я. — Паспорт пока в оформлении. Дела идут медленно.

— Сиди тихо, лечись, отдыхай, — ласково сказал он. — Всё под контролем. Скоро всё решится, обещаю. Как решится — сразу приеду к тебе.

— Жду, — сказала я и повесила трубку. Потом постояла, прижав ладонь к холодному стеклу.

Он врал. Он врал так привычно и так мягко, что почти получалось верить — и от этого внутри было то самое дно: не страх даже, а обида, старая, детская. Я восемь лет варила этому человеку супы.

В девять вечера в дверь постучали. За дверью стоял официант с тележкой, и на тележке был ужин: мутаббаль, тёплый хлеб, рыба в гранатовом соусе — и маленький турецкий кофе, настоящий, сваренный в джезве на песке, с кусочком рахат-лукума на блюдце.

— Это по счёту номера? — спросила я. Ужин я не заказывала.

— Нет, госпожа. Сказали: инструктору — как она любит, — он поклонился и уехал.

Я села у окна с чашкой и сделала первый глоток. Кофе был идеальный — густой, с той самой горчинкой, никакой ванили, никакой карамели. Я пью кофе без молока пятнадцать лет, но это никто в этом городе знать не мог. Никто, кроме человека, который читал моё личное дело при найме, где значилась графа «особые отметки», заполненная моей рукой: «кофе — турецкий/арабский, без сахара».

Значит, он читал моё дело. Целиком. До конца.

Я сидела с остывающей чашкой и смотрела, как залив гаснет и зажигаются огни берега, и не знала, что это было — забота или разведка. Ужин был вкусный. Клетка была красивая. И где-то очень глубоко я уже начала понимать: эта клетка сделана из тех же прутьев, что и та, московская, — просто прутья здесь позолоченные, и кто-то очень уверенно держит ключ.

Глава 6. Решает за меня

Обратный билет просто исчез. Я купила его ещё из Москвы, страховку от себя, забронировала — и утром третьего дня, открыв приложение, обнаружила, что бронирования нет. Не отменено с уведомлением. Просто вычищено, как будто его никогда не было.

Я спустилась на ресепшен. Менеджер развёл руками: «Технический сбой, мадам». У меня был бы зубной на отдельный такой «сбой», но лётчик знает: одиночная неисправность — случайность, повторная — закономерность.

Наверху, в моём номере, шли работы. Не ремонта — переезда. Мои вещи из бывшего номера уже стояли в комнате рядом с моим новым — аккуратные стопки, мой дешёвый чемодан рядом с их цветными коробками. На прикроватной тумбочке стояла моя чашка — та самая, фаянсовая, с отбитой ручкой, которую я тащила из Москвы в ручной клади. Кто-то распаковал мои вещи. Расставил. Каждую — на своё место.

Халид пришёл в семь, без предупреждения, — и это, я потом поняла, была его обычная манера: он появлялся так, будто он здесь всегда, а всё остальное лишь догоняло.

— Вы отменили мой билет, — сказала я вместо приветствия. — До выяснения. Так вам передали?

— Да, — он прошёл в комнату, и двигался он, как человек, для которого полы его собственного дома — его, и это была не грубость, а фактура. — Отменил. Это верно.

— У меня контракт, у меня школа, у меня...

— У вас есть вопрос безопасности, — он повернулся. И вот тут я увидела его близко, при вечернем свете, — и впервые поняла, почему все в этом холдинге говорят о нём тише, чем о других. — Касымов потерял к вам доступ. Он понял, что человек в отеле — мой. Ему нужна либо вы, либо другой канал. Если вы поедете завтра в школу одна — по дороге будет «случайность». Машина. Толпа. Что угодно. Я отвечаю за то, что в моих стенах, — он сказал это спокойно, и в спокойствии была вся огромная, ничем не ограниченная привычка решать.

— А если я не хочу жить в ваших стенах? — спросила я.

— Вы живёте в них, — сказал он. — И это единственное место в этой стране, где до вас не дотянется ни его человек, ни ваш муж.

— Мой муж тут ни при чём.

Он посмотрел на меня. Долго. Так, что я почувствовала себя рентгеном.

— В вашем деле, которое я читал, — сказал он наконец, — значится анкета супруга. Раздел «источники дохода супруга». Там был указан холдинг, где ваш муж числился партнёром. Этот холдинг за два года сменил три названия и ноль деятельности. Он имеет отношение. Больше, чем вам кажется.

Я молчала. Мой тихий, аккуратный Толя, который возил мне мороженое. Который купил мне открытку с пальмами.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда давайте по-другому. Вы держите меня здесь — хорошо. Но я не цветок. Я не буду сидеть у бассейна и вяло листать журнал. Я хочу работать: летать, обучать, быть в расписании школы. Сейчас. Без паспортов и без «когда решится». Вы это обеспечиваете — я остаюсь. Не обеспечиваете — завтра я иду в полицию, к консулу, куда угодно, и пусть весь город узнает, как холдинг «Рашиди» держит гостью без документов. Мне терять нечего, а вам — репутацию.

Впервые за два разговора его лицо изменилось. Не улыбнулось — изменилось: в уголках глаз что-то сдвинулось, как лёд на реке в первый тёплый день.

— Летать будете, — сказал он. — Со мной.

— Со мной, — поправила я. — Я первый, вы второй. Или я смотрю, как вы третий.

Он посмотрел на меня ещё секунду — и почти улыбнулся. Почти.

— Завтра в восемь. Ангар номер три, — сказал он и направился к двери, но на выходе обернулся. — Госпожа Гусева. Одно предупреждение. Всё, что я делаю, я делаю для вашей безопасности. Но я не спрашиваю разрешения. Привыкните.

Дверь закрылась. Я стояла посреди переставленной кем-то комнаты, рядом с моей фаянсовой чашкой, и чувствовала одновременно две вещи, и они друг друга отменяли. Первое: я выиграла.

И второе, тихое, как звук включённого насоса в темноте: он не спрашивает разрешения. Ни у меня. Ни у кого.

Глава 7. Первые счета

Про Москву я узнала по обрывкам — Толя перестал звонить каждый день, а когда позвонил, голос у него был другой: собранный, с металлом.

— Котёнок, тут... небольшая заминка. С банком. Ты меня не слушай, я всё решу.

Я сказала «угу» и положила трубку. А настоящие новости мне прислала адвокатская контора сына маминого адвоката — короткой формальной выпиской: «Вершинин А. М., счета арестованы в рамках проверки финансово-хозяйственной деятельности, инициированной иностранным контрагентом». Иностранным контрагентом. Кто-то очень далеко и очень большой позвонил не просто сверху — сверху того этажа, где сидели Толины партнёры.

В тот же день Марина написала мне. Марина Стрельцова — мы познакомились на Толином дне рождения, она была «ассистент по документам», красивая, тихая, с идеальными ногтями и привычкой краснеть, когда Толя говорил с ней при мне. Я не была дурой, я просто восемь лет выбирала не быть той, кто устраивает скандалы. Как выяснилось — зря.

«Оля, привет. Слышишь, у Анатолия сложности. Мне нужно уточнить по старым документам, ты не помнишь, когда ты подписывала согласие в страховую? Может, созвонимся...» — и дальше что-то невнятное про «чтобы всё было чисто».

Я прочитала и перечитала. «Когда ты подписывала согласие». Я ничего не подписывала. А вот она — подписывала: как представитель, как «ассистент по документам». Где-то на нижнем этаже этого чертежа сидела девочка с идеальными ногтями, которая держала в руках мою фальшивую подпись.

Я не ответила. Я отложила телефон, положила руки на стол — ладонями вниз, как кладут их на штурвал перед заходом на посадку, — и дала себе пять минут помолчать. В эти пять минут я честно, как отработанный чек-лист, прошла по всем точкам: полис. Увольнение. Паспорт. Касымов. Билет. Теперь — арест счетов. Кто-то большой дёргал за ниточки в мою пользу. Кто-то, кто читал моё личное дело до последней строчки.

Вечером в школу — я уже третью неделю гоняла по кругу курсантов на учебном поршневом, и руки, спасибо богу, помнили — мне передали конверт. Без адреса. Внутри лежала фотография: я на лётном поле, в наушниках, с планшетом — снимок с контрольной вышки, обычный рабочий кадр. На обороте — ровным почерком по-арабски. Перевёл мне охранник, которого Халид приставил к школе:

«Толю ждёт худшее. Кассир в банке — первый. Следующие — по расписанию. Сиди тихо. Я всё решу».

Я сжала бумагу. «Сиди тихо». Второй раз за месяц. Они оба, что мой муж, что его тень, разговаривали со мной как с чемоданом: сиди, лежи, не открывайся на контроле.

Я вышла из ангара в сумерках, села на ступеньки бетонной лестницы и долго смотрела на полосу, где гасли огни. А потом пошла к охраннику и попросила лист бумаги. Написала заявление о подделке подписи на страховом полисе — по-русски, для адвоката, и попросила отправить скан сегодня же.

Первый счёт был оплачен не деньгами. Заявлением.

В ту ночь я спала без снов. Впервые за месяц мне не снилось падение — во сне была полоса, ровная, сухая, и ветер боковой, который я держала, и это был хороший сон, рабочий.

Глава 8. Арест Рустама

Мне позвонил охранник в шесть утра: «Госпожа, управляющий просит в зал. Включите новости».

Включила. По каналу шла сводка: «Задержан бизнесмен Р. Касымов, гражданин... для допроса по запросу иностранных партнёров в рамках расследования финансовых нарушений...» Показали, как его ведут через зал — в дорогом пиджаке, с уверенным лицом, которое треснуло, когда он понял, что камеры — не случайные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.